

Добрый мир послевоенного детства

Давно это было. Нашей победой закончилась грозная война. Погибли и остались лежать в сырой земле миллионы советских солдат. Тихону Тихоновичу посчастливилось – он живым вернулся с фронта. Раненный и больной, повидавший много горя, однако живой. Военные трофеи? Всё на себе и с собой. Походная кружка в вещмешке, ордена и медали на груди, хромовые офицерские сапоги на простреленных ногах и ремень поперёк гимнастёрки со звездой на пряжке. И несмотря на то, что на нём форма старшего лейтенанта, военным он не был. Он был учителем, образованным человеком, которому пришлось воевать, защищая свою Родину. И лишь наступил мир, Тихон Тихонович снова отправился учить ребят в школу.

Долгие четыре года его ждали дома жена Клаша и две дочки Тата с Калей, так он их любовно называл. Довоенные девочки. В ту пору время разделилось «до» и «после» войны. А послевоенная дочка Александра, она же Шура, Саша, Саня или Наня, так смешно в годик она назвала себя, так стал именовать её и отец. Все дети Тихону Тихоновичу дороги, но самая жалкая последняя. Недоросток, ей уже четыре года, но лишь с двухлетками вровень. Сухая горошина, легковесная худышка, косолапая на правую ногу. Такие детки – на всю жизнь для родителей. Жалел её отец, а значит и любил. Саша на отцовскую любовь отвечала необычайной привязанностью.

Она без него томилась и скучала. И чем бы девочка ни занималась, она чутко прислушивалась – не стукнет ли входная дверь. С приходом отца из школы, почти в конце дня, у неё заканчивалось ожидание. Вот гукнула дверь, прозвучал лёгкий топот сапог, вот душисто пахнуло табаком, вот уже зарокотал его баритон. И тогда Саша срывалась в его объятия, целовала в щетину, и не хотела спускаться на пол. Отец ей отвечивал «солдатского хлебушка» – раскачивал ребёнка между ног, подбрасывая почти к потолку, при этом каждый раз шутливо коленкой давал пинка, от которого якобы и взлетала высоко девчушка.

Не успевал Тихон Тихонович рук помыть, как тут же сыпались жалобы от няни и бабушки на его заморыша Александру. Дескать, день прошёл, а у неё маковой росинки во рту не было. Он с тревогой осматривал дочку, вопрошая так ли это? А потом усаживал с собой за стол. Ох, уж этот стол!

Как-то незаметно, но постепенно и мама, и няня Зина, и старшие сёстры перестали пичкать едой Сашу. Потому что та всё равно только давилась да портила старшим нервы, так они говорили. А бедный ребёнок, в толк взять не мог, что за напасть такая навалилась? Зачем варят каши, супы, мундиры и прочие блюда, чтобы мучить её. Кто этот мучитель, из-за которого ей достаются недобрые слова от няни: «Опять Сашка продукты перевела, поковыряла в тарелке и бросила. Каков едок, таков и работник. Придётся вечером опять пожаловаться. Только отец и может её накормить».

Его поздний обед для Александры был тот принадлежащий ей часок, когда с краю большого стола они сидели вдвоём и рядом. Невкусный суп теперь становился съедобным. И тихо, тихо, в час по чайной ложке, девочка что-то съедала, но больше наминала чёрного хлеба, да с интересом слушала про отцовы школьные дела:

– Целый день я был на работе. Моя же работа весёлая. Представь себе, Наня, шесть комнат мальчишек и девчонок. Непоседы, хохотушки, свистуны и золотые мои умники – задорный народец, с ними хлопот полон рот.

Замирает девочка – Вот это да! У неё рот хлебом набит, а у папочки «хлопот», как он его прожевал? – Спрашивает:

– Ты что же, уже обедал? А вкусный был этот «хлопот»?

Смеётся отец:

– Наивкуснейший. Другим бы дал, но никто не берёт. А, если серьёзно – это народная поговорка такая. Так говорят, когда разных дел очень, очень много.

Саша про себя несколько раз повторила: «Хлопот полон рот», чтобы надолго запомнить поговорку.

– Вот пример для этой поговорки. Сегодня веду урок, я же учитель – стою у доски, рассказываю ученикам древнегреческие мифы. Про бога Зевса и сына его Геракла. Тема урока очень интересная. Все ребята слушают, тишина стоит такая – муху слышно, если пролетит. И вдруг раздался грохот. Это на последней парте, зовётся она «Камчаткой», озоруют два балбеса, второгодника.

– А кто это второгодники? – про «балбесов» Саше ясно. Зевс и Геракл, про них потом спросится, они же школьная тема, а она ещё маленькая.

– Плохие ученики, оболтусы, по второму году учатся в одном и том же классе и всё без толку. Выросли фигуры, а умишко так и осталось как у малолеток. Вот один верзила ради смеха толкнул другого, и что же ты думаешь?

– Ушибся оболтус? – ахнула Саша.

– Во как! Ничего-то тебе, Наня, не скажи, сразу словцо уже на устах. Ладно бы оболтус ушибся, а то печку разворотил. Со всего маху толкнул печь, кирпич и вылетел на пол, за ним ещё и ещё. Дети ахнули, а я ахнул громче всех! Печечку недавно сложили, денег по сусекам еле наскребли и печнику-мастеру заплатили. И вот тебе раз! Снова надо думать, где денег взять? Их в школе нет, и РОНО больше не даст. Какие сейчас деньги, кругом разруха, тетрадей и тех ребяткишкам не хватает. Я сильно огорчился.

– А второгодники? – подхватила Саша новое словечко.

– Испугались, конечно. Смотрят на меня, я на них и вижу – готовы исправить дело. Кирпичи назад засовывают, да поздно, кирпич обратно не лезет, как не пристраивай, падает из дыры. Ждали пострелята, что я буду их ругать, кричать, за уши, может, драть. Притихли. Я и вправду мельком подумал, может, им «порла» дать?

– Твоим ремнём? – пугается за ребят Саша. На двери висел широкий кожаный с пряжкой ремень, а на пряжке звезда, армейский ремень отца, которого Саша побаивалась. Отец никогда им никого не ударил, но для строгости, чтобы прекратились шалости, указывал на свой ремень и без малейших сердитых ноток в голосе прибавлял: «Ох, кому-то дам сегодня «порла!»» И это устрашающее «порла», неведомое его доченькам, оттого казалось ещё более грозным.

– Конечно, ремнём. Но пожалел, они же дети трудных лет России, сплошное сиротство. Отцы на фронте головы сложили, кроме улицы учить пацанов добру некому. И решил я поступить иначе. Отправил мальчишек за тазиком с водой и за глиной. Развели они в тазу глину и целый урок, что я другим детям рассказывал о подвигах Геракла, заделывали кирпичи в печи. У них неплохо получилось. Устали очень от непривычки, но ведь как старались. Глядишь – школу не осилят, так печниками станут, хотя и там тоже надо не глупить, а учиться. За какое дело ни возьми – уметь нужно. Вот ты чему сегодня училась?

– Шнурки завязывать на ботинках.

– Хорошо. Умница. Ну, и как? Научилась?

– Плохо, бантик не выходит.

– Ничего, это дело нехитрое, возьми ботиночек и тренируйся. Сначала будет получаться плохо, а потом хорошо. Как увидишь шнурки, будто зайчишкины ушки торчат, знай – твоя взяла, и бантик больше не развяжется. Завязала ты его крепко накрепко.

– Правда? А у меня одни выходят носики, а не ушки.

– Узелки?

– Нет, носики зайкины, чёрные и круглые.

– Понятно, – смеётся Тихон Тихонович.

– А кого ты сегодня встретил, когда домой шёл? – таинственным шёпотом спрашивает Саша.

И Тихон Тихонович продолжает ей рассказывать побасёнку, у которой начала уже никто из них не помнит.

– О! Возвращаюсь я домой из школы, а тропка к дому длинная предлинная, идёт прямо через тополиную аллею. Навстречу мне, как ты думаешь, кто? Догадалась? Правильно – старый мой знакомый идёт – Жук Стратолёт. Похож на настоящего майского жучка, который

в твоём кармашке. Только огромный, преогромный – словно изба на курьих ножках, вместо окошек три глаза, лапки тощенькие, зато длиннющие, а вместо крыши, блестят крылья. Дорогу мне перегородил, кланяется, не пройти, не проехать. Я ему тоже поклон отвесил: «Здравствуй Жук Стратолёт, чего тебе надобно?» А он, как зажужжит, будто бомбовоз в небе: «Жжжжж... Я же заблудился. Желал жабежать к Журе, а дорогу не найду».

– А кто это Жюра? – боится догадаться сама о себе Саша.

– Да, ты Шура. Я тоже сначала подумал, что к журе, журке – журавлёнку, а тот живёт далеко. Поэтому Стратолёт и заблудился. Но жук мне объяснил: «Иду к вашей доченьке Журе, ей угожу, жаравикой угощу». – И протягивает мне клюковку, журавлику значит. «Ах, ты клюковку несёшь Шуре?» – «Да. Ягоду журавлику несу. А ещё я ей песенку пожемжурю, на жалеике погужу». – «О чём же будет твоя песня?» – «О жемшуре Жужилуже!» – «Кто такая Жужилужа?» – «Желтоглазая жемшура». – «Понял, понял. Жемшура, это кошка? Чем же знаменита твоя кошка Жужилужа?» – «Она мне лапку починила». – «А что с лапкой было?» – «Жемшура Жужилужа поцарапала?» – «А починил кто?» – «Жемшура и починила». – «Что-то я не пойму, плохая кошка обидела тебя – поцарапала, а хорошая починила?»

– Ах, папа, это киса Жужилужа! Жужилужа поцарапала и Жужилужа починила! Киса баловалась и нечаянно поцарапала, а потом ей стало жалко жука. Мне тоже жалко. Где он, этот жук? Ты его к нам привёл?

– Я вот клюковку тебе принёс, жук передал. Красивая ягода и полезная, а что кислая, так мы её сахарком засыплем. Вкусно! А жука Стратолёта я не привёл. Он на улице остался, большой очень. Места ему у нас не хватит. Он же ростом с целый дом. И ты расти большая, догоняй жука. Ну-ка руки вверх, покажи – какой ты вырастешь!

Александра отчаянно выбрасывала руки вверх, тянулась изо всех сил, вскакивала на пальчики и ещё чуток подтягивалась. Отец доволен, за беседой легче и незаметнее опустошается у дочки тарелка, вот и накопил своё чадо, всё бы ей на пользу!

Добрый мир родных людей окружал Сашу. Но девочка считала, что в доме большой дощатый стол – самый Главный. Сколоченный школьным столяром, он стоял в центре комнаты и служил всем в доме с утра до вечера.

Она любила, забравшись на табуретку, а потом ловко на стол, обозревать оттуда пространство большой комнаты. Ей видна была, установленная подальше от стола, печка. Высокая, пузатая и белая-пребелая сверху, лишь у дверцы испачканная копотью. Оттуда, если долго ждать, может выпрыгнуть одноглазый огонёк. Как он весело скачет, подпрыгивает, а потом охлынув, делается сизым и смирным. Она не раз обжигала и пачкала об него пальцы, на то он и уголёк! А ещё из того печного края позвенькивал некто, прозванный сверчком. Ей приятна его тонюсенькая песенка.

Здесь на столе можно было у старших довоенных сестёр получить клочок бумаги и карандашный огрызок. И вместе с ними, не слезая со стола, рисовать свои каракули. Сёстры Тата и Каля, завидя Сашку с художествами на столе, смеялись, по всему видно – радуются ей, любят её. Она их тоже любит сильно, сильно. Во как! Кулачки к плечам прижаты крепко, крепко, демонстрируя силу Сашкиной любви.

Недавно она получила подарок вместе с другими сестричками. Им досталась кукла, большая, с открывающимися глазками. Саше же папа дал длинную узкую коробочку. Папочка так и не догадался, что Саше хотелось куклу, ту, что у сестричек. Но протягивая коробочку, отец смеялся как всегда во весь рот, и особенно весёлыми были у него серые глаза. Девочка видела – он думал обрадовать её именно этим подарком, и безропотно приняла коробочку.

– Загляни вовнутрь, Наня. Сними крышку, но не вынимай ничего, а только наклони коробочку.

Саша так и сделала. И тут же с верхнего угла покотился смешной колобок, то и дело вскакивая торчком, и окончательно внизу коробочки встал головкой вверх. Девочка с удивлением подняла глаза на отца, а человечек уже катился в другую сторону.

– Это Ванька-Встанька! Как его не крути, как его не верти – он встанет обязательно на ножки. Ничто его не сможет повалить, нипочём не одолеть его стойкий характер. Не смотри, что малец, главное, устойчив. И прыткий, смотри – как быстро бегают. Нравится?

– Да, спасибо, – закрыла коробочку Саша. Она ещё раз покосилась на куклу, вздохнула и отправилась в своё укромное место. Когда ей было одиноко и грустно, девочка забиралась под стол. Там ни светло, ни темно, в самый раз поплакать.

Стол в комнате был не только Главный, но и волшебный. Он слушал, как шептала маленькая Саша с горечью: «Ванька-Встанька, я не хочу с тобой играть. Падаешь и встаёшь, падаешь и встаёшь и больше ничего. Весело с тобой лишь чуть-чуть. А кукла глазками хлопает и красивая. А ты некрасивый. Почему папа мне тебя подарил?» – Распустила нюни, но тихонечко, чтобы никто не догадался, что игрушка не понравилась.

Столу хотелось девочку утешить. Но вот его прижали локти школьниц Таты и Кали. Саше послышалось его доброе ворчанье: «Сёстры снова пролили на меня чернила из непроливайки. Ладно разукрасили, не в первый раз, отмоет няня Зина кляксы, но ведь без конца пишут карандашами прямо по темечку, царапают лысинку». Саша смущается, она тоже царапает по темечку, когда рисует. Но стол девочкам всё прощает, Тата и Каля – большие умницы, старательные, в школе отличницы. Другое дело, когда няня Зина шмякает по столу тяжеленным горячим утюгом. Сначала перед носом раскошегарит, будто раскачает на качелях, а потом шпарит им сорочки и наволочки. Жар до намытых ножек достаёт. Мало приятного! Невольно с горечью заскрипит стол, а Саша всё слышит, жалеет его, а он её.

Терпелив стол, когда на нём Зина большим кухонным ножом шинкует для обеда капусту, которую складывает аккуратной горкой. Саша любит похрумать сладкую, как яблоко, кочерыжку. Но удивительно, как добрел стол, когда за ним собиралась вся семья. К примеру – в обед. Ароматно парили над ним мороженая, чуть сладковатая в мундирах картошка, горячий суп в мисках. Холодило дощатый поставец блюдо с соленьями из погреба, к тому же слаще мёда были застольные разговоры. Стол потому и Главный, он без лишнего любопытства в курсе всей домашней жизни дома. Любо ему, когда после всех дел разложат по всему столу книги. В доме все читатели, кроме маленькой Саши.

В ту пору по вечерам частенько отключалось электричество, на потолке гас свет. И в гуще темноты не было ничего важнее спичек, их короткого огонька. Стол опять преобразился. На него ставили керосиновую лампу, от горящей спички зажигали фитиль. Лампа поначалу пускала как паровоз через отверстие чёрный дымок, а потом разгоралась. Около стола, как мотыльки, собирались домашние. В неярком свете озарялись лица, среди сумрака и теней заметнее становился блеск разных глаз. Вновь у стола оживлялись взрослые и дети. Тата и Каля на чистовой лист переписывали уроки в тетрадь. Мама Клаша, тоже учительница, проверяла домашние и контрольные задания учеников, отец читал толстые книги и что-то записывал на листок. Маленькая Александра, забравшись к папёнке на колени, угревалась у груди и через небольшое время глаза сами слиплись в сладкой дреме.

Спать не дал стол:

– Что ж ты, Шура, бросила под ноги Ваньку-Встаньку? Он как и ты маленький, как и ты ловкий. Да, в игре им не покомандуешь. Особо и не полюбуешься, это верно. И не погордишься перед сёстрами его красотой. Но присмотришь! Это он даёт знать – вставай, Шура, если споткнулась, упала, расшиблась. Вскокавай быстрее и не жалуйся! Будь как Ванька-Встанька – крепким орешком, а не слезокапкой!

Саша сползла с колен под стол, нашла коробочку с Ванькой-Встанькой, прижала её к себе и снова перебралась на колени отца.

– Понравилась игрушка? – улыбнулся Тихон Тихонович.

– Она на меня похожа, да? – спросила Саша.

– Трудно сказать. Хотя тоже ростиком мал, ловок и скор, как и ты. Но когда-нибудь, когда ещё чуток подрастёшь, ты поймёшь Ваньку. Хорошо, что Встанька. Весёлый малый с радостным сердцем, как его ни крути-верти, как над ним ни шути, он не унывает. Стоит всегда прямо. Ванька-Встанька с характером. Стойкий маленький человечек. Няня, обещаю – лишь только миром надышимся, отстроимся, мы с тобой сходим в цирк. Там увидишь клоуна, похожего на Ваньку-Встаньку. А сейчас пойдём спать в кроватку?

– Нет. Я здесь хочу, у тебя.

Это была её привилегия. Она часто засыпала у отца на коленях, после чего на руках он относил её в постель. Тихо раздевал, гладил по чубчику, чмокал в щёку, обдавая табачным запахом. И дальше – уходил к Главному столу, продолжать чтение. Саша, будто птицу из клетки, отпускала от себя ожидание, и засыпала лишь после отцовского поглаживания по голове.

– Расскажи тему про Геракла, как своим ученикам.

– Для греческих мифов ты ещё маловата. Ну, да ладно, расскажу тебе коротенько. Жил да был на небе бог Зевс. Властитель земли и неба. Однажды от него самого могущественного бога Греции на земле родился мальчик. Этому ребёнку перешла невероятная физическая сила и храбрость небожителя отца. Супруга Зевса по имени Гера решила его погубить земного сына Зевса, как любая злая мачеха. Но ребёнок ещё будучи маленьким, чуть больше года, одолел двух змей, подброшенных к нему в постель Герой. Змеи напали на мальчишку, но он, обладая недюжинной силой, зажал руками их головы. Так он их победил. С того подвига его прозвали Гераклом, то есть прославленный Герой. Это был первый по счёту подвиг. А их у него двенадцать.

– И меня петух хотел погубить. Как змей сердился и клевал, – шёпотом сообщила Саша.

– Как клевал? Выдумываешь всё, этого не может быть!

– А вот и может. Я долго ждала тебя и пошла на крыльцо. Ты не думай, я пальто и капор надела. По двору ходил толстый индюк. Из-за него я на крыльце осталась. Индюк смешной – мяч на ножках. Перья у него будто в манке, а под носом красные висюльки. Я поняла – это его сопли, вот и запела: «Индя, Индя, попляши – твои сопли хороши!»

– Где же это ты набралась?

– Тата индюка дразнила. Я запомнила. Весело же! Я много раз инде спела. Ногами притоптывала, как большая индюка дразнила.

– А петух, откуда взялся?

– Не знаю откуда. Налетел сбоку и прыг ко мне! Крыльями замахал, кукареку закричал и на меня бросился. Клювом хотел за ноги, а на мне шаровары, вот и не достал. Я ему кричу: «Прочь, прочь! Не тебя я дразнила, не тебя!» А он по крыльцу бегаёт за мной, я от него, вот-вот догонит. Тут я остановилась, говорю ласково ему: «Петя, Петя, я шутила, возьми сухарь! Шутила с индюком, не с тобой!»

– А петух? Послушал ли он тебя?

– Нет. Он как заголосит, как подскочит, и вырвал у меня сухарь. Очень больно дал крылом по лицу. Я вскрикнула, няня Зина услышала, пришла и прогнала его.

– А мне никто и не сказал. Ай-яй-яй!

– Пап, а индюк красные сопли всё же развесил. По двору теперь ходит, а они мотаются. Туда-сюда, как нога в больших часах.

– Смешно, право. А соседский петух расхрабрился, потому что ты, Няня, не Геракл, слабенькая и маленькая. Что же с ним делать? Может его в суп?

– Ой, папочка! Не надо его обижать. Я тот суп ни за что не буду. Петуха жалко. Он красивый. Я другой раз сама дразниться не буду.

– Ладно. Будь, доченька, осторожнее. У тебя и голуби семечко запросто отнимут. Без няни не ходи, милая, гулять. Ваньку-Встаньку я тут, рядом с тобой положил, он надёжный товарищ. Спокойной ночи, Няня.

– Спокойной ночи. А ты пойдёшь опять читать?

– Почитаю немного. Ну, спи!

Саша закрыла глаза, предвкушая, как завтра снова встанет, чтобы с утра как закроется за отцом дверь, почувствовать опять ожидание. Оно пребудет с ней до его возвращения из неведомого за дверью далёка. Ожидание маленькой Саши передастся отцу, отчего он обязательно поторопится домой.

И тогда всё повторится вновь. Снова под вечер девочке можно будет забраться на его колени и общаться со всеми вместе за столом. Будут разговоры, стихи, которые расскажут родителям старшие сёстры. Как всегда красными чернилами из особого пузырька мама будет в тетрадях школьникам выводить оценки. Жаль те тетрадки Саше трогать нельзя, тем более в них рисовать. А хочется! Зато можно будет потрогать папину толстую книгу, заглянуть в листок, куда он узким пером рисует фиолетовые загогулины. И ещё ухом приложиться к его груди, и услышать загадочное «тук-тук-тук», узнаваемый стук, и в сотый раз отец ей на вопрос: «Это сверчок?», ответит: «Это моё сердце!»

Е.А. Гусева-Рыбникова